

СВЕТ

№ 139
август
2021 г.

Газета издаётся по благословию
Преосвященнейшего Владимира,
епископа Новокузнецкого
и Таштагольского

Православия

СЪЙН ВМЧ

ПАНТЕЛЕИМОНЪ

9 августа

День памяти

святого великомученика

и целителя Пантелеимона

с Престольным Праздником!

ВЕЛИКОМУЧЕНИК И ЦЕЛИТЕЛЬ ПАНТЕЛЕИМОН

Святой и славный мученик за Христа Пантелеимон родился в Никомидии в конце III века. Его отец, сенатор Евсторгий, был язычником, а мать, Еввулия, — христианкой. Родители назвали мальчика Пантолеон. Его отдали в ученики известному врачу Евфросину, и он вскоре в совершенстве изучил науку врачевания, так что император Максимиан Галерий, заметив его искусство, взял Пантолеона во дворец и сделал своим личным врачом.

Каждый день юноша проходил мимо дома, где скрывался от гонений императора пресвитер Ермолай. Святой, угадав душевные качества Пантолеона, однажды пригласил его к себе в дом и стал учить, что медицина может дать лишь слабое облегчение нашей страдающей и смертной природе и только Христос, единый истинный Врач, пришел дать нам спасение — без лекарств и без платы. От этих слов сердце молодого человека исполнилось радости, и он стал постоянно приходить к святому Ермолаю и учиться у него великим тайнам веры.

Однажды, возвращаясь от своего учителя Евфросина, он увидел на дороге ребенка, умершего от укуса гадюки. Решив, что пришел момент проверить истинность обещаний Ермолая, он призвал имя Христа, и ребенок тотчас встал, а змея издохла. Радостный, Пантолеон побежал к Ермолаю и попросил не медля крестить его. После этого он остался в доме святого старца, слушая его поучения, и вернулся домой лишь на восьмой день. На вопросы встревоженного отца он ответил, что был во дворце и лечил одного знатного придворного. Сохраняя пока в тайне свою веру, он тем не менее старался убедить отца в тщетности почитания идолов.

Спустя некоторое время к сенатору привели слепого, который умолял Пантолеона исцелить его, поскольку ранее он без всякой пользы растратил на других врачей все состояние. Уповая на Христа, сила Которого отныне пребывала в нем, юноша в присутствии удивленного отца заверил слепого, что исцелит его благодатью истинного Учителя. Он перекрестил глаза слепого, призывая имя Христово, и тот сразу же прозрел не только телесными, но и духовными очами, поняв, что его исцелил Христос.

Затем Пантолеон раздал свое наследство нищим, освободил рабов и с удвоенным рвением принялся за лечение больных. Он не брал с них никакой платы, кроме веры во Христа, пришедшего

на землю, чтобы исцелить всех страждущих¹. Другие никомидийские врачи стали ему завидовать. И когда он лечил христианина, которого подвергли пыткам по приказу императора, они воспользовались случаем, чтобы донести на него.

Максимиан очень огорчился, услышав жалобу на своего любимца. Он велел позвать исцеленного слепого и спросил, каким образом Пантолеон вернул ему зрение. Подобно евангельскому слепорожденному, тот ответил просто, что Пантолеон исцелил его именем Христа и что это чудо открыло ему свет истинной веры. В ярости император велел отрубить ему голову и послал своих людей за Пантолеоном.

Когда к нему привели святого, Максимиан стал упрекать врача в том, что тот не оправдал его доверия, и обвинил в оскорблении Асклепия и других богов верой во Христа — человека, умершего на кресте. Святой ответил, что вера и преданность истинному Богу превыше всех богатств и почестей этого тленного мира, и, чтобы доказать свои слова, предложил Максимияну испытать его. Тогда принесли парализованного, над которым языческие жрецы стали совершать заклинания под насмешки святого. Когда они ничего не добились, Пантолеон помолился Богу и, взяв расслабленного за руку, призвал имя Христово. Множество язычников, увидев, как больной встал и, радуясь, стал ходить, уверовали в истинного Бога, а языческие жрецы потребовали у императора казнить опасного соперника.

Максимиан напомнил юноше о пытках, которым ранее подвергли святого епископа Анфима. Но Пантолеон ответил, что если старец проявил такое мужество², то юноша тем более должен выдержать это испытание. Ни лезть, ни угрозы не могли поколебать его решимости, и император предал святого пыткам. Его привязали к столбу и железными крючьями стали разрывать ему бока, а потом приложили к ранам зажженные факелы. Но Христос явился святому мученику в образе его духовного отца святого Ермолая и сказал: «Ничего не бойся, сын Мой, потому что Я с тобой и помогу тебе во всех твоих страданиях за Меня». Тотчас факелы погасли, а раны святого зажили.

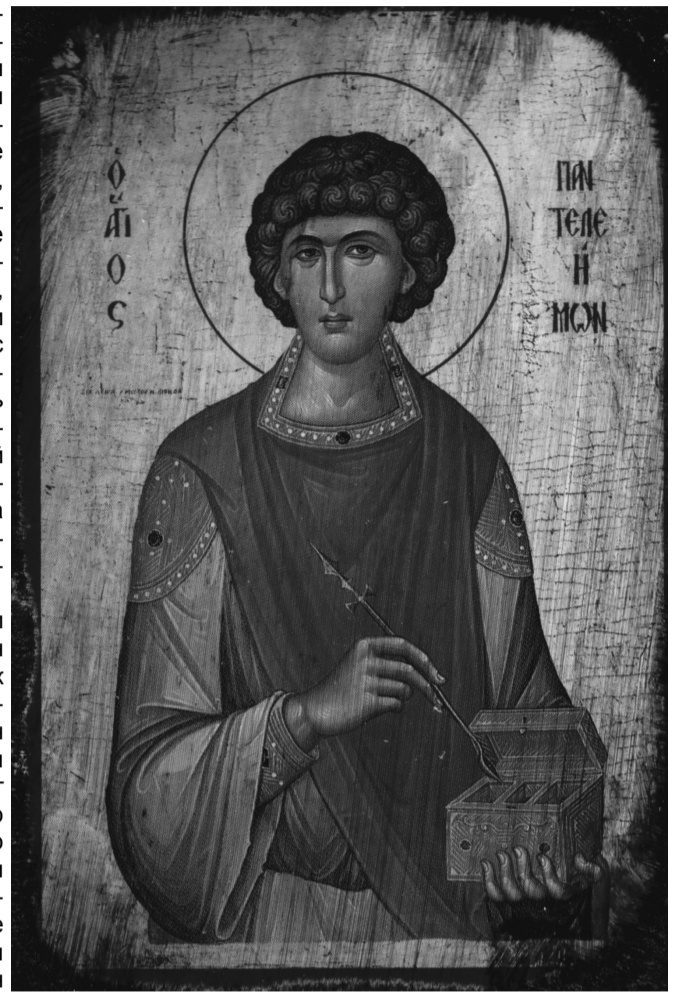
После этого мученика опускали в котел с расплавленным свинцом, бросали в море с тяжелым камнем на шею и подвергали другим испытаниям, но Господь везде был с ним и хранил его невреди-

мым. Потом юношу отдали на растерзание хищникам, но Христос и там не оставил его: звери ложились у его ног и лизали их, как домашние животные. Но император, оказавшийся более жестоким, чем неразумные звери, приказал привязать мученика к колесу, снабженному острыми лезвиями, и скатить его с горы на виду у всего города. И вновь Господь явил Свое чудесное заступничество: святой освободился от связывавших его веревок, а колесо, скатываясь, раздавило многих язычников.

Максимиан спросил Пантолеона, откуда он получил такую силу и как он пришел к христианской вере. Пантолеон указал, где скрывался Ермолай, поскольку Бог открыл ему, что для него и его наставника пришло время исповедать веру и завершить свой путь мученичеством.

После славной смерти Ермолая и его сподвижников тиран снова вызвал Пантолеона и попытался уговорить святого принести жертву, утверждая, что мученики подчинились. Вместо ответа блаженный юноша потребовал встречи с ними. Император ответил, что послал их с поручением в другой город, на что святой возразил: «О лжец, сам того не ведая, ты сказал правду, потому что сейчас они в Небесном Иерусалиме!» Максимиан, видя, что не может сломить Пантолеона, приказал отрубить ему голову, а тело сжечь.

Юноша с радостью отправился на место казни за городом, но когда палач начал точить меч, тот расплавился, как воск от огня. Увидев такое чудо, находившиеся там воины исповедовали Христа. Пантолеон же призвал их исполнить приказ и обратился к Богу с последней молитвой. В ответ с неба послышался голос: «Верный слуга! Твое желание исполнится, двери Царства Небесного открыты, и венец твой готов. Отныне ты будешь прибежищем отчаявшихся, помо-

щью страждущим, врачом для больных и страхом для бесов, и поэтому имя твое будет не Пантолеон, а Пантелеимон» (это имя означает «всемиловитый»). Мученик преклонил шею, и когда глава его упала на землю, из шеи потекло молоко, тело стало белее снега, а высохшая маслина, к которой он был привязан, внезапно зазеленела и стала давать множество плодов. Воины, которым было приказано сжечь тело христианина, отдали его верующим. Те с почестями похоронили святого Пантелеимона в имении Амантия Схоластика и отправились возвещать Благоую Весть в другие края. С тех пор от мощей великомученика Пантелеимона не перестают совершаться исцеления, и для всех, приходящих с верой, они являются источником благодати Христа — единого Врача душ и телес.

<https://pravoslavie.ru/55369.html>

УСПЕНСКИЙ ПОСТ

Этот пост установлен перед великими праздниками Преображения Господня и Успения Божией Матери и продолжается две недели — от 1 до 15 августа (по ст. стилю).

Успенский пост дошел до нас с древних времен христианства.

В беседе Льва Великого, произнесен-

(Петров пост), для осени осенний — в седьмом месяце (Успенский), для зимы — зимний (Рождественский)".

Святой Симеон Солунский пишет, что "Пост в августе (Успенский) учрежден в честь Матери Божия Слова, Которая, узнавши Свое преставление, как всегда подвизалась и постилась за нас, хотя,

будучи святой и непорочной, и не имела нужды в посте; так особенно Она молилась о нас, когда намеревалась перейти от здешней жизни к будущей и когда Ее блаженная душа имела чрез Божественного Духа соединиться с Ее Сыном. А потому и мы должны поститься и воспевать Ее, подражая житию Ее и пробуждая Ее тем к молитве за нас. Некоторые, впрочем, говорят, что этот пост учрежден по случаю двух праздников, то есть Преображения и Успения. И я также считаю необходимым воспоминания обоих этих двух праздников, одного — как подающего нам освящение, а другого — как умиловитивление и ходатайство за нас".

Святой праведный Иоанн Кронштадтский о посте

Человек дорог у Господа, весь мир ему покорен; Сам Сын Божий сошел с небес на землю для спасения его от вечных мучений, для примирения его с Богом. Всякие плоды, разные плоти животных отданы ему в снедь, разные пития

даны ему для услаждения его вкуса, — но не для пристрастия, не в единственное наслаждение. У христианина есть наслаждения великие, духовные, божественные; этим-то наслаждениям надо подчинять всегда плотские, умерять или совсем прекращать их, когда они препятствуют наслаждениям духовным. Значит, не для опечаливания человека запрещаются пища и питье, не для стеснения его свободы, как говорят в свете, а для того, чтобы доставить ему истинное услаждение, прочное, вечное, и потому именно и запрещаются скоромные снеди и винные напитки (в пост), что человек-то очень дорог у Бога и дабы вместо Бога не прилепилось сердце его к тленному, которое его недостойно. А поврежденный грехами человек удобно прилепляется к земным удовольствиям, забывая, что истинное наслаждение его, истинная его жизнь есть Бог вечный, а не приятное раздражение плоти.

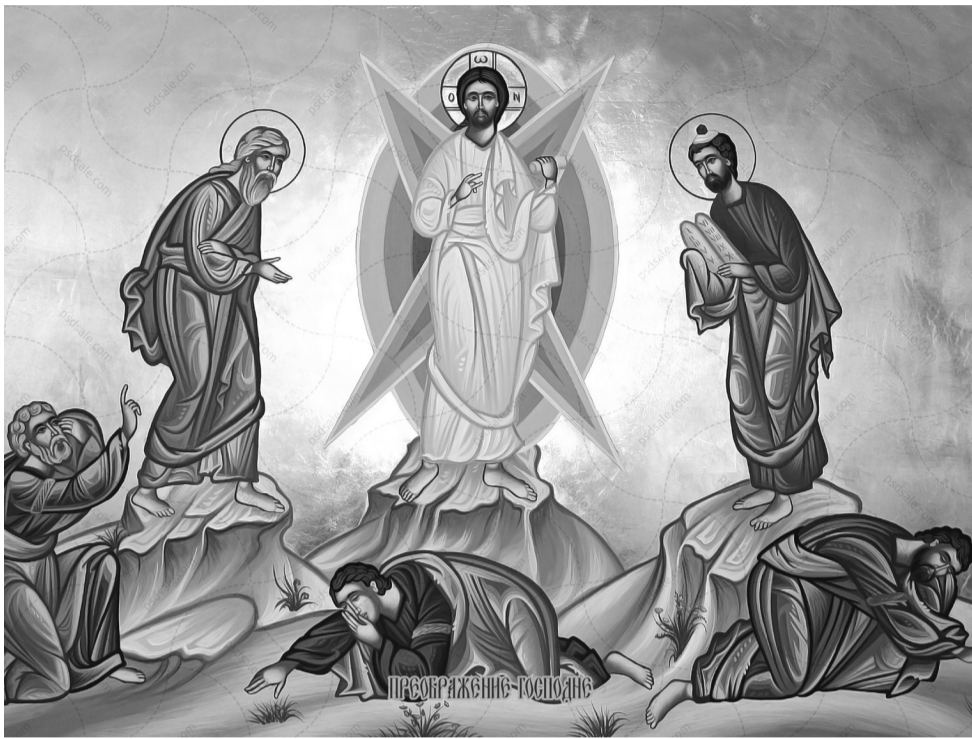
<http://www.pravoslavie.ru/1443.html>

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

«Преобразился еси на горе, Христе Боже...» Кто не помнит начальных слов тропаря двенадцатого праздника Преображения Господня! Тогда на горе Фавор Спаситель, еще в глубокой ночи совершив восхождение с тремя преданнейшими и усерднейшими Своими учениками: Иоанном – апостолом любви, братом его Иаковом и пылким Петром, беседовал с Отцом Небесным, и ученики, вздремавшие, вдруг увидели непостижимое: как лик Христа просветился ярче солнечного света, а Его ризы стали белоснежными, так что превосходили своей чистотой снег, лежащий на горе Кармил. И белильщик на земле, замечает евангелист, не может так выбелить ткань, как были чисты ризы Христа (ср.: Мк. 9: 3). Ученики, при раскрывшемся у них по воле Божией духовном зрении, увидели славу Господню, которую Сын всегда имел, как и Отец, будучи с Ним единосущным по воплощению. Но здесь человеческая природа, неразлучно и неслитно соединенная с Божеством, засияла – так кусок металла, помещенный в среду огня, раскалившись, сам начинает источать свет и тепло, будто становясь огнем, – но вместе с тем и не изменив своего земного естества.

Праздник Преображения. Он и древними святыми отцами, и русскими проповедниками, и поэтами Серебряного века воспет, потому что знаменует собою начало русской осени, ведь не случайно, еще по греческой традиции, народ приносит в храм плоды земные и начатки урожая, и священники, прежде чем окропить яблоки, груши, виноград, как это было принято на Пелопоннесе и в Херсонесе, читают особую молитву для верных, прося Господа Бога просветить их сердца лучами богопознания, чтобы они исполнились духовных благ, символом и материальным выражением которых являются эти земные плоды, как будто говорящие о нетленной райской жизни, к которой все мы призваны через духовное восхождение на гору Фавор, через единение со Христом Спасителем в Таинстве Причастия. И действительно, дорогие друзья, о празднике Преображения говорит всё Священное Писание Ветхого и Нового Завета, говорит применительно к нам, чадам Церкви, которых святые апостолы называют чадами света, сынами Царствия. «Приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся» (Гл. 33: 5). Вкусите, братия и сестры, в день Преображения от святой евхаристической Чаши Пречистого Тела и Крови нашего Спасителя, вкусите и видите, яко благ Господь. А что мы увидим? Увидят окружающие нас люди свет Небесного Отца, о котором Спаситель говорит так ясно и доходчиво: «Да просветится свет ваш (Фаворский свет. – *прот. А.В.*) пред людьми, да видят благие дела ваши, красоту души и тела, осиянную Духом Святым, и прославят они Отца вашего, Который на небесах» (ср.: Мф. 5: 16).

В день Преображения, принимая, как и апостолы, незлобивым, кротким и чистым сердцем Божественную благодать, льющуюся с вершины горы Фавор, мы начинаем понимать, почему первоверховный апостол Павел называл христиан светилami, сияющими в этом развращенном мире. Праздник Преображения говорит нам о радостном смысле духовного подвига. Ведь цель и почесть духовного звания о Христе Иисусе заключается не в чем ином, как в стяжании благодати Святого Духа, в готовности и способности раскрыть лепестки своей души, воспринять эти божественные лучи, источником которых является неподвижное Солнце Любви, или Солнце

Правды, на языке пророка Малахии, – Господь и Бог наш Иисус Христос.

Вспомним, дорогие друзья, обстоятельства этого удивительного и таинственного праздника, подняться до духовного осмысления которого не так просто, но, конечно, возможно, если мы, как птенцы, собираемся под крылышком Матери нашей – Церкви, а она через гимнографов и песнотворцев: Косму Маиумского, Иоанна Златоустого, Иоанна Дамаскина – в тропарях и песнопениях праздника (нужно очень внимательно их слушать, а не смотреть по сторонам), очистив наше восприятие, поднимет нас до разумения фаворских тайн. Обратим внимание, что трое из учеников следовали неотступно за Господом, покуда Он восходил на эту гору. А почему не взяли Иуду? – спросит кто-нибудь из вас. А потому, – отвечают толковники Священного Писания, – что рыжебородый предатель был весьма ленив и плотоядлив. Он мечтал сесть рядом с Мессией в Его Царствии, которое, впрочем, представлял себе чисто земным, но не удосужился проснуться, когда Господь, постучав в горницу, где почивали апостолы, призвал усерднейших следовать за Ним. Так и нам нужно немножко поднапрячься, немножко потрудиться, чтобы 6/19 августа не оказаться не у дел, не оказаться разочарованными и неудовлетворенными, потому что без труда не выловишь и рыбку из пруда.

Подумаем, как нелегко было апостолам следовать за Христом. Если вы бывали на горе Фавор, то, наверное, догадываетесь, что тогда не было серпантинa, шоссе, по которому нынче таксисты за несколько шекелей или пяток долларов доvezут вас до вершины, где можно приобщиться духом к великой тайне Преображения. Подниматься нужно было пешком, а значит – через колючки и заросли кустов. Может быть, и были какие-то тропинки, по которым пастухи водили своих овец, но, очевидно, подъем этот был малый подвиг, который безропотно несли апостолы, не желая отставать от своего Учителя. Так вот и нам, дорогие друзья, необходимо было уже за несколько дней до Преображения чуть-чуть поднапрячься, вступить в борьбу с суетными, тщеславными помыслами, оставить всякое миродержание, особенно словоохотливость, связанную по необходимости с осуждением, усерднее заняться чтением Священного Писания, которое просвещает не столько мозг, сколько душу, окрыляет, делает способным думать о Боге, тянуться к

Нему, размышлять о Нем, молиться Ему.

Итак, оказавшись там, на вершине, Петр, Иоанн и Иаков внимали происходящему. А внезапно увидев просветленный лик Господа, они со страхом, и трепетом, и ужасом узрели Моисея и Илию. Моисей – законодатель, Илия – тот, кто предвещает Второе пришествие Иисуса Христа перед близкой кончиной мира, пророк-ревнитель. Почему, – спросите вы, – именно эти два ветхозаветных святых, а не кто-то из судей или древних воинов, наподобие Иисуса Навина, предстал Господу и беседовал с Ним? Очевидно, сокровенный смысл явления именно этих двух величайших представителей Ветхого Завета заключается в следующем: раз, смиренно склонив главу пред Господом, Моисей, тот, кто принес с Синая 10 заповедей человеческого роду, беседовал с Ним, как дитя с Отцом, как ученик с Учителем, то отсюда следует, что Христос и есть Основатель как Ветхого, так и Нового Завета. Христос – не противник отеческим заповедям, но Он есть Господь и Судия, Он пришел исполнить закон и отменить его обрядовую часть, оставив нравственное содержание. Ну а Илия-ревнитель, который, как вы помните, мог даже огнем встретить дерзких богохульников, покушавшихся на жизнь огнепламенного пророка, беседуя со Христом, тем самым свидетельствовал апостолам (а они были люди всё-таки грамотные и понимающие), что перед ними – апостолами, Илией и Моисеем – долгожданный Мессия, чаяние языков, Тот, Кто пришел освободить Израиль не столько от внешнего господства римлян, сколько от тирании диавола, от господства страстей, пришел сокрушить саму смерть, проложив путь новый и живой к Воскресению.

А затем сходит светлое облако, в котором сокрываются Илия и Моисей, и остается один Христос. И апостолы – давайте вспомним икону Преображения – упав от страха, замерев... – очень живописно православная традиция изображает учеников: кто на карачках, кто – распластав руки и ноги, как лягушонок, если можно так выразиться... Апостолы, от этого Божественного света павшие ниц, слышат голос Самого Небесного Отца: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте». Навсегда они – Петр, Иоанн и Иаков – сокроют в своих душах сладостный и вместе с тем страшный для человеческой немощной природы голос Небесного Отца. И один

из них, Петр, в своем Послании впоследствии скажет об этом голосе, снизшедшем из велелепной славы, голосе, который засвидетельствовал Богосыновство, Божество Господа Иисуса Христа.

Снизойдя с горы, апостолы еще сами носили в себе это сияние небесного огня. И лик Христа светился чудесно, так что народ было ринулся к Спасителю, Который тотчас по сошествии с горы свершил чудесное деяние – исцелил бесноватого отрока, сказав его несчастному отцу: «Если можешь сколько-нибудь верить – веруй: всё возможно верующему». Так и у нас с вами: придет праздник Преображения; дай Бог, мы с вами исповедуемся, приобщимся Христовых Тайн, чтобы не быть сторонними наблюдателями, но участниками Божественной Литургии, и, вкусив сладостной жизни будущего века, преобразившись дивным преобразованием, пронизанные лучами Божественной славы, мы обречем благодатное детство во Христе. Нам, как Петру, не захочется выходить из храма.

Помните, как Петр, не понимая, что он говорит, от избытка вышеестественной радости сказал: «Господи, хорошо нам здесь! Давай поставим три сени – три кущи: Тебе, Моисею и Илию. Только не будем возвращаться в этот суетный, жестокий, лукавый мир, где Тебя, Господи, ждут надменные фарисеи, лукавые саддукеи, ищущие Твоей смерти. Останься здесь навсегда!» Однако просьба Петра не была уважена. Почему? Потому что Спаситель, явив Свою Божественную славу ученикам, готовился к Своему крестному пути, уверяя последователей, что страдания, которые встретятся Спасителю в Гефсиманском саду и в Иерусалиме, не вынужденные.

Христос – не невольная жертва Голгофской муки, но Он самоохотно, как Богочеловек, из послушания Небесному Отцу и из любви к погибающему человеческому роду, восходит на Крест, чтобы, вкусив горчайшую мучительную смерть, победить ее, изжить Своим воскресением. Да, в ту Гефсиманскую ночь они, апостолы, все, кроме Иоанна Богослова, разбежались, словно испуганные дети, устранные свирепостью лиц Иуды и храмовых стражников, но по Воскресении вспомнили – вспомнили всё. Вспомнили и эти дивные часы на Фаворской горе. И с тем большим упорством и радостью они благовествовали вселенной веру во Иисуса Христа, истинного Бога и истинного Человека, Который и нас с вами, Своих детей, приобщает к нетленной, живоносной и целительной Божественной благодати, просвещая наш ум, ментальные способности, умирняя наше сердце, отгоняя от наших душ уныние и печаль, самое тело делая послушным инструментом разумной души.

Много сказано, но не сказано ничего, если не говорить о внутреннем значении и величии этого дивного и прекрасного осеннего праздника. И я очень надеюсь, дорогие друзья, что никто из вас не лишит себя по глупости или по суетности этой ни с чем не сравнимой радости богообщения, но каждый, по мере своих сил, поднимется на гору Фавор – поднимется не телесными ногами, но помыслом, чувством, чтобы предстоять в этот дивный праздник Христу, нашему Солнышку, в Котором нет ни единого пятна.

Протоиерей Артемий Владимиров

<https://pravoslavie.ru/96201.html>

Успение Богородицы

Что значит слово «Успение»
«Успение» — это устаревшее слово. В переводе на современный русский язык значит «смерть, кончина».

Что такое Успение Богородицы
Полное название праздника — **Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии**. Это один из двенадцати православных праздников. Двенадцатые праздники догматически тесно связаны с событиями земной жизни Господа Иисуса Христа и Богородицы и делаются на Господские (посвященные Господу Иисусу Христу) и Богородичные (посвященные Божией Матери). Успение — Богородичный праздник.

Праздник, который отмечается в Русской Православной Церкви 28 августа по новому стилю (15 августа по старому стилю), установлен в память о смерти Божией Матери. К нему христиан ведет двухнедельный Успенский пост, по строгости сравнимый с Великим постом. Интересно, что Успение — последний двенадцатый праздник православного церковного года (заканчивающегося 13 сентября по новому стилю).

Когда празднуется Успение Богородицы

Праздник Успения Пресвятой Богородицы отмечается 28 августа по новому стилю. У него есть 1 день предпразднства и 9 дней попразднства. Предпразднство — один или несколько дней перед большим праздником, в богослужения которого уже входят молитвословия, посвященные наступающему празднуемому событию. Соответственно, попразднство — такие же дни после праздника.

Что можно есть на Успение Богородицы

28 августа, в праздник Успения Божией Матери, если он выпадает на среду или пятницу, можно вкушать рыбу. В таком случае разговение переносится на следующий день. А вот если Успение выпадает на другие дни недели, то поста нет. В 2021 году праздник Успения - не постный день.

События Успения Богородицы

Все, что мы знаем о смерти Матери Господа Иисуса Христа, почерпнуто из церковного Предания. В канонических текстах мы не прочитаем ничего о том, как и при каких обстоятельствах Богородица отошла ко Господу и была погребена. Предание — один из источников нашего вероучения, вместе со Священным Писанием.

Из Нового Завета мы узнаем, что Спаситель, распятый на кресте, попросил своего ближайшего ученика — апостола Иоанна Богослова — заботиться о Марии: *Увидев мать и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! Се, сын твой. Потом говорит ученику: се, Мать твою! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе* (Ин 19:26-27). После распятия Христова Богородица вместе с учениками своего Сына пребывала в молитве и посте. В день Соше-

ствия Святого Духа на апостолов (Пятидесятницу) она тоже получила дар Святого Духа.

В письменных памятниках начиная с IV века мы находим упоминания о том, как дальше жила Божия Мать. Большинство авторов пишут, что она была телесно восхищена (то есть взята) с земли на небо. Произошло это так. За три дня до смерти Богородице явился Архангел Гавриил и возвестил о предстоящем Успении. В то время она пребывала в Иерусалиме. Все случилось именно так, как сказал Архангел. После смерти Пречистой Девы апостолы погребли ее тело в Гефсимании, там же, где покоились родители Богородицы и ее супруг — праведный Иосиф. На церемонии присутствовали все, кроме апостола Фомы. На третий день после погребения Фома захотел увидеть ее гроб. Гроб открыли, но тела Богородицы в нем уже не было — лишь ее плащаница.

История празднования Успения Богородицы

Достоверные сведения об истории праздника Успения начинаются лишь с конца VI века. Большинство церковных историков полагают, что праздник установили при византийском императоре Маврикии, который правил в 592–602 годы. Скорее всего, до этого времени Успение было в Константинополе поместным, то есть не общецерковным праздником.

Икона Успения Богородицы

Традиционно иконописцы изображают Богородицу в центре образа — она лежит на смертном одре, по сторонам от нее — плачущие апостолы. Чуть позади ложа стоит Спаситель с душой Богородицы, изображаемой в виде спеленутого младенца.

В XI веке распространился расширенный вариант иконографии Успения, так называемый «облачный тип». Мы можем увидеть его, например, на фреске из церкви Святой Софии в Охриде в Македонии. В верхней части такой композиции изображаются апостолы, летящие к смертному одру Богородицы на облаках. Самый древний пример «облачного Успения» на Руси — это икона начала XIII века, которая происходит из новгородского Десятинного монастыря. В верхней части иконы изображен голубой полукруглый сегмент неба с золотыми звездами и фигуры ангелов, уносящих душу Богородицы. Сейчас этот образ хранится в Третьяковской галерее.

Часто у ложа Богородицы иконописцы изображают одну или несколько горящих свечей, которые символизируют молитву Богу.

Богослужение Успения

У праздника Успения есть один день предпразднства и 9 дней попразднства. Предпразднство — один или несколько дней перед большим праздником, в богослужения которого уже входят молитвословия, посвященные наступающему празднуемому событию. Соответственно, попразднство — такие же дни после праздника.

Отдание праздника совершается 5 сентября по новому стилю. А предшествует Успению Божией Матери двухнедельный Успенский пост. Он длится с 14 по 27 августа.

Существует особая Служба погребению Богородицы. Ее совершают по подобию службы Утрени Великой Субботы; во время нее читают 17-ю кафизму — «Блаженни непорочнии». В настоящее время Чин погребения Богородицы можно увидеть во многих кафедральных и приходских храмах на второй или третий день праздника. Богослужение начинается со всеобщего бдения. На великом слове духовенство храма выходит к лежащей посреди храма плащанице с изображением Богородицы; кадит ей, а потом обносит ее вокруг храма. После этого всех молящихся помазывают елеем (освященным маслом). И наконец читаются ектении (ряд молитвенных прошений) и отпуст (благословение молящихся на выход из храма по окончании богослужения).

Стихиры Успения в V веке написал Константинопольский патриарх Анатолий. А в VIII веке Косма Маюмский и Иоанн Дамаскин написали два канона этого праздника.

Митрополит Антоний Сурожский: Проповедь на Успение Божией Матери

Мы празднуем сегодня престольный праздник наш; мы все стоим перед единым и единственным Престолом, который существует: престол, на котором восседает Бог наш; но, как сказано в Священном Писании, Бог во святых почивает: не только в святых местах, но в сердце и в уме очищенных подвигом и благодатью, в жизни и в самой плоти святых.

И сегодня мы празднуем день Успения Святейшей всех святых — Божией Матери. Она уснула сном земли; но как Она была живой до самых глубин Своего естества, так и осталась Она живой: живой душой, вознесшейся к престолу Божию, живой и воскресшим телом Своим, которым Она предстоит теперь и молится о нас. Поистине Она является престолом благодати; в Нее вселился Живой Бог, в утробе Ее Он был, как на престоле славы Сво-

ей. И с какой благодарностью, с каким изумлением мы думаем о Ней: Источник жизни, Живоносный Источник, как называет Ее Церковь, прославляя Ее в одной из икон, — Живоносный Источник, Богородица, кончает Свою земную жизнь, окруженная трепетною любовью всех.

Но что же Она оставляет нам? Одну только заповедь и один дивный пример. Заповедь — те слова, которые Она сказала слугам в Кане Галилейской: *Что бы ни сказал Христос — то исполните...* И они исполнили; и воды омовения стали добрым вином Царства Божия. Эту заповедь Она оставляет каждому из нас: пойми, каждый из нас, слово Христово, вслушайся в него и не будь только слушателем, но исполни его, и тогда все земное станет небесным, вечным, преобразенным и прославленным...

Станем и мы учиться так слушать, как слушают всей любовью и всем благоговением, вслушиваться в каждое слово Спасителя. В Евангелии много сказано; но сердце каждого из нас отзывается то на одно, то на другое; и на что отозвалось мое или твое сердце — это слово, сказанное Спасителем Христом тебе и мне лично... И это слово нам надо сохранить как путь жизни, как точку соприкосновения между нами и Богом, как признак нашего родства и близости с Ним.

И если так будем жить, так слушать, так складывать в сердце свое слово Христово, как сеют семя во вспаханную землю, тогда и над нами исполнится то, что Елизавета сказала Божией Матери, когда Она к ней пришла: *Блаженна веровавшая, ибо исполнится все, сказанное Тебе от Господа... Да будет это и с нами; да будет Мать Божия нашим примером; воспримем Ее единственную заповедь, и только тогда прославление Ее нами в этом святом храме, который Ей дан в жилище, будет истинным, потому что мы поклонимся тогда Богу в Ней и через Нее и духом и истиной. Аминь.*

Мои посмертные приключения

Юлия Вознесенская

— Почему ты так сказал? Только не повторяй. Просто подумай и скажи, почему ты послал героинь женских романов по этому адресу?

— Да не знаю. Просто так говорят, вот и все.

— Нет! Ты назвал определенное лицо. Только не называй его еще раз! Я точно знаю, что это опасно. А еще я, кажется, начинаю догадываться об одной очень важной вещи...

— Опять что-то выдумала!

Я задумалась, идя рядом с ним. Он несколько раз пробовал со мной заговаривать, но я махала на него рукой: не мешай мне думать!

Потом мы решили выпить кофе и присели за столик уличного кафе. Лопухий взял для меня двойной эспрессо и большую кружку простого кофе с молоком и сахаром для себя.

Наконец, когда кофе был выпит, он не выдержал:

— Так о чем ты думаешь? Намечаешь маршрут нового путешествия?

— Глупости! Я думаю вот о чем. Ты помнишь душеедов в лагере и в сером городе?

— Еще бы! Конечно, помню.

— А ты помнишь, что у них там была своя иерархия?

— Да. Одни были мелкие, превратившиеся в душеедов из особо злобных барачников, а другие, самые страшные, прилетали откуда-то со стороны. Еще были дикие душееды...

— Не о них речи! Я теперь знаю, кто был над ними главный, кто хозяин над всеми этими краями: пустыней, озером Отчаяния, лагерем и серым городом...

— Но ведь не над этим же городом, правда? — с жалкой надеждой спросил он, уже зная ответ.

— И над этим городом тоже, — беспощадно ответила я.

— Какой ужас!

— Да, но не в этом дело. А дело в том, что должна быть и другая сторона мира, а над ней — другой хозяин. Послушай: существует Зло и хозяин над ним. Но мы с тобой все время чувствуем, что нам оно враждебно, что мы не хотим жить под властью Зла. Так?

— Положим, что так.

— И нам совершенно ясно, что кроме зла существует и Добро. Так?

— Только его очень мало.

— Сейчас не это важно. Слушай меня. Если Зло подвластно тому, кого ты только что нечаянно назвал, а это то же самое существо, чье изображение я сожгла, то мы с тобой знаем, что это страшная сила.

— Лучше об этом не думать!

— Надо думать, Лопухий, надо! Так вот, что из этого следует? Если есть Зло и его творец, и если есть Добро, — то и у Добра должен быть еще более могучий властелин!

— Почему?

— Да потому, что даже здесь, где явно царит Зло, мы с тобой, два дурачка, стремимся к любви и добру. Понятно?

— Не очень, но все равно здорово. Ты такая умная!

— Оставь это. Теперь надо думать, как найти Того, Кто правит Добром! Если бы только вспомнить, кто Он и как Его зовут? Тогда мы были бы спасены.

— Ну и как это узнать?

— Не знаю. Попробуем расспрашивать людей в городе: вдруг кому-то это известно?

Мы наскоро составили план действий

и отправились в город. Мы бродили по улицам и паркам, подходя к разным людям и задавая им одни и те же вопросы:

— Мы проводим социологический опрос жителей нашего города. Скажите, вам здесь нравится? Вы не скучаете? Вы хотели бы уехать отсюда?

Падкие на внимание к своей персоне горожане с удовольствием подвергались тестированию. Большинство людей жизнь в городе полностью удовлетворяла, но некоторые жаловались на скуку. Только один молодой человек сказал нечто обнадеживающее:

— Я слышал, что есть другие места, где люди не так равнодушны друг к другу. Но где это, я не знаю.

— А вы хотели бы узнать?

— Зачем? Я привык здесь жить, у меня дом, машина и много девушек. Нет, я не думаю переселяться, извините.

И он торопливо пошел прочь, явно заподозрив что-то неладное.

На вопрос, кто правит этим городом и довольны ли опрашиваемые этим правлением, почти все просто пожимали плечами или говорили, что их это не волнует. И только с одной женщиной нам удалось дойти почти до последних вопросов нашей «анкеты». Она была недовольна всем и всеми.

— И правительство наше тоже никуда не годится!

— А вы знаете что-нибудь о том, что в других местах существует иное правление?

— Да, знаю! И если бы там узнали, что здесь творится, то послали бы сюда войска ООН! Сбросили бы на этот проклятый город водородную бомбу!

Продолжать с ней разговор не имело смысла. В своих бесполезных хождениях мы дошли до улицы, где находился мой пансион.

— Давай зайдем и спросим, нет ли для меня почты.

— А ты ждешь от кого-нибудь письма? Ты мне ничего об этом не говорила.

— Нет, ничего определенного я не жду.

Просто у меня смутное чувство, что в один прекрасный день я могу получить по почте какое-то важное послание.

Мы зашли в фойе. Увидев меня, портье заулыбался:

— Мадам, наконец-то! Для вас есть пакет. Получите, пожалуйста.

Обомлев, я приняла из его рук небольшую посылку. Мы вышли из пансиона и присели на уличной скамье. Я с трепетом развернула оберточную бумагу. В ней оказалась деревянная шкатулка, перевязанная бечевкой.

Развязав бечевку и открыв шкатулку, я увидела небольшой круглый белый хлебец. Он состоял как бы из двух кружков, и на верхнем было выдавлено изображение Женщины с Ребенком.

— Ты знаешь, кто это? — шепотом спросила я Лопухого.

— Нет. А ты?

— Я знаю. Эта Женщина — Богородица, а это — Ее Сын.

— Как Их зовут?

— Не помню. Но думаю, что не это главное. Мы должны Их позвать на помощь.

— Как, прямо здесь, на улице?! Нас зберут в полицию за нарушение общественного порядка.

— Ты прав, — сказала я и решительно встала, закрыв шкатулку. — Идем, я знаю, что надо делать!

— Ясно, опять куда-то двигать. Ну что ж, идем... Но это в последний раз!

— Надеюсь, что так и будет.

— И куда же мы пойдем?

— Давай пойдем вдоль моря и попробуем выйти из города.

Это оказалось проще сказать, чем сделать. Мы двинулись в тот конец бухты, где городской пляж переходил в дикий, и до самого горизонта тянулась полоса голого песка. Мы взяли с собой только по бутылке минеральной воды из пляжного киоска и мою шкатулку.

Сначала было просто трудно идти по песку: он был очень мелкий, и ноги в нем утопали по самую щиколотку. Мы прошли последний пляж и двинулись дальше. Погони за нами не было. Несколько раз мы присаживались и пили воду, но идти становилось все тяжелее и тяжелее. Пройдя километра два по раскаленному песку, мы поняли, что попали в беду.

Наши ноги начали проваливаться чуть глубже. Поначалу я не поняла, что мы попали в гиблое место. Оглядевшись и увидев, что кругом полно кочек, поросших жесткой сизой травой, я сказала:

— Можно прыгать с кочки на кочку, пока не выпрыгнем на твердое место.

Мы попробовали, и сначала у нас что-то получалось, но потом, когда Лопухий враз провалился по колено, мы поняли, что дело неладно.

— Зыбучие пески! — крикнула я. — Надо возвращаться! — Но не тут-то было. Я сунула шкатулку за вырез платья, чтобы освободить обе руки, и помогла Лопухому выбраться.

Но тут же сама провалилась по пояс.

— Ищи какую-нибудь палку! Не подходи ко мне с голыми руками! Смотри, вон там какие-то кусты. Иди к ним, но только осторожно, по кочечкам. Попробуй к ним подобраться и наломай веток, и оттуда их ко мне бросай. Только иди осторожно, не спеши!

Этот лопух опрометью бросился к кустам и, не добежав до них несколько шагов, провалился по самую грудь.

— Кранты! Допрыгались! — крикнул он.

— Я же предупреждал тебя, что никуда не надо уходить!

Да, кажется, наше долгое путешествие подошло к концу. Но оставалось еще одна, последняя надежда... Пока мои руки были еще свободны, я вынула из-за пазухи шкатулку и достала заветный хлебец. Глядя на вытисненное изображение, я прошептала:

— Дорогая Богородица, спаси меня и моего друга. Пожалуйста, спаси нас!

Сначала ничего не произошло, но потом мне показалось, что мои ноги нащупали твердую почву: во всяком случае, глубже я не проваливалась. Но Лопухий уходил в песок прямо на глазах.

Тогда я закричала изо всех сил:

— Спаси нас! Мы погибаем!

— Перестань вопить, нас никто не слышит, — прохрипел Лопухий. — Лучше посмотри на меня и прости со мной.

Боже мой, от него сейчас останутся одни уши! Что я сказала?.. «Боже мой»? Боже мой — вот Кто может нас спасти. Я подняла голову к небу и закричала:

— Боже мой! Боже наш! Спаситель наш! Спаси нас! — Высоко в небе над нами кружилась белая птица. Это напомнило мне что-то из нашей прежней с Лопухим жизни. Я посмотрела на моего гибнущего друга. Он крутил головой и закидывал ее, чтобы песок не забивал ему нос, но говорить уже не мог — рот был засыпан песком. Глаза его были полны ужаса. Потом они закрылись и утонули в песке. От него осталась только небольшая во-

ронка, и по ее краю уже полз какой-то коричневый жучок с черными крапинками на спинке. Сейчас он сорвется вниз, и его тоже за сыплет. Я прижала к груди хлеб с изображением Божией Матери и закрыла глаза.

И тут я услышала шум крыльев над головой. Белая птица, оказавшаяся огромной, слетела на песок и стала крыльями отгребать его от меня и отбрасывать в сторону. Песок запылил мне глаза, я почти ослепла.

— Его, его спаси! — кричала я ей, показывая в сторону, где только что был Лопухий.

Но она освободила сначала меня, и тогда я сама поползла спасать Лопухого. Птица опередила меня одним мощным движением, подняла крыльями песчаный вихрь, и вот уже целый и невредимый Лопухий лежит на песке, а над нами стоит... Ангел!

Мой дорогой, мой любимый, мой собственный Ангел-Хранитель! Я бросилась к нему, уткнулась в его блистающий подол и заревела.

Ангел перенес меня, а потом бесчувственного Лопухого в заросли каких-то колючих кустов, где песок был связан корнями. Там можно было даже стоять. Потом он сказал озабочено:

— Мы должны спешить, пока меня не обнаружили: здесь я на чужой территории. Но я могу унести только одного из вас. Твоего друга придется оставить здесь.

— Нет, возьми его! Он маленький, он слабее меня...

— Анна! Ты уверена, что готова пожертвовать собой для него? Ведь тебе отсюда самой никак не выбраться.

— Ангел мой! Когда он будет в безопасности, скажи ему, что я его очень любила. Уноси его скорей, уноси! А то он очнется, и тут такое начнется...

— Как знаешь. Ты сама так решила.

Он поцеловал меня в лоб, подхватил Лопухого и полетел в сторону моря. Он еще помелькал над синей гладью, будто маленький парус, а потом исчез вдали.

Вот теперь можно было и поплакать.

Глава 11

Я осталась одна на островке среди зыбучих песков. У меня не было воды, но по ночам иногда выпадал мелкий дождь. У меня была моя просфора, мой ангельский хлеб: каждый день я отламывала по одной крошке, стараясь не повредить верхней «крышечки», на которой было изображение Божией Матери.

Вокруг были только голые сухие кусты, а под ними — ни единой живой травинки. По мелкому песку пробегали серые пауки и шмыгали ящерицы. Над морем скандальными голосами кричали чайки, но сюда они не залетали. Одиночество.

Первое время я тщательно обшаривала кусты на краю моего пятка, пытаюсь найти твердую почву за его чертой, но скоро убедилась, что он охвачен гибельными песками со всех сторон.

На кустах кое-где висели высохшие ключья водорослей. Похоже, что во время шторма море добирается сюда и заливают островок. В таком случае можно будет попытаться отсюда выбраться вплавь или по дну, как мы когда-то ушли с Лопухим из серого города.

Поначалу я отчаивалась и жалобно зывала к Богу:

— Господи мой, Господи! Зачем Ты оставил меня именно сейчас, когда я вспомнила о Тебе? Почему Ты не хочешь помочь мне?

Потом я успокоилась и решила, что мое положение далеко не из худших. Я давно умерла, и мне нечего бояться смерти. Нравится мне это или нет, перед мной вечность, в которой я буду существовать. Я могла бы отбывать ее во льду озера Отчаяния или в лагере, в жутком сером городе по ту сторону моря, или в унылом городе неподалеку. Я могла оказаться навечно там, где царствуют бесы, где от них никуда не скрыться.

В лагере я уже становилась зомби, а теперь мне, похоже, не грозит утрата самосознания.

И я ровным счетом ничего не знаю о самых страшных глубинах ада, находящихся во тьме!

А эти зыбучие пески... Я ушла бы в них с головой, оставаясь при этом живой и невредимой. Простоять всю вечную вечность неподвижно, скованной со всех сторон, не мочь двинуться, сказать хотя бы слово, открыть глаза... И я еще жалуюсь!

Как только я смирилась со своим положением, у меня сразу появилось множество дел и забот на моем острове. Я наблюдала за пауками и приучала ящериц не бояться меня.

Когда я сидела неподвижно, они грелись на моих ногах, рассаживаясь рядом, как галки на заборе.

Выбрав проплешины в самой середине кустов, я наломала веток и плотной стенкой воткнула их по краю. Собрала с кустов сухие клочки водорослей и соорудила себе из них маленькую подушку. Так я построила себе еще один дом...

Вскоре оказалось, что каждый мой день заполнен до отказа. Утром, когда солнце только вставало над морем, я вставала к нему лицом и молилась, обращаясь к Господу, к Божией Матери, к моему Ангелу-Хранителю и к единственному святому, которого знала по имени — к моему Деду, отцу Евгению. Я просила у Бога милости для Лопоухого, где бы он ни был.

Потом я садилась на песок и размышляла. О чем? Обо всем, что случилось со мной за всю мою жизнь, начиная с того момента, как я себя помню. Что прожила я свою жизнь неумно и неправильно, это я давно поняла — пришлось понять! Но теперь у меня появилось время, чтобы снова, да еще и не один раз, пройти свою жизнь шаг за шагом. Чем дольше я это делала, тем меньше она мне нравилась. Я так изуродовала ее грехами, что оставалось только удивляться Божией милости: разве я заслужила, чтобы у меня над головой было небо, чтобы слышать издали крики чаек и шум прибоя, видеть рядом невинные и живые существа — ящерок и паучков?

Удивительное дело! Начиная от Фрейды, все психологи учили нас избегать самоосуждения, чтобы не заработать комплексов и психических надломов. Но чем больше и строже я судила себя и каялась в своих грехах, тем легче, тем спокойней мне становилось. Очень часто, осудив себя по всей строгости за какой-то проступок, я вдруг начинала чему-то радоваться! Может быть, чувство справедливости, присущее старой правозащитнице, двигало мной?

Еще я вспоминала всех, кого любила на Земле и успела полюбить в Раю. Перед земными друзьями и родными я каялась мысленно в небрежении, в нанесенных обидах, просила прощения за совершенные вместе грехи у своих «подельников». Своих дорогих райских родственников я благодарила и мысленно просила молиться за меня.

По крошке в день я незаметно съела всю мою просфору. Осталась только крышечка, которую я решила сохранить во что бы то ни стало: она служила мне иконой Божией Матери. Если на меня нападало уныние, что хоть и редко, но случалось, я брала ее в ладони, смотрела на еле видную фигуру Богоматери с Младенцем и молилась:

— Пресвятая Богородица, спаси нас! —

и повторяла эту молитву сотни и тысячи раз.

И уныние проходило.

Я просила прощения у всех, кого мало или неправильно любила, кому не принесла добра, какое могла принести, вспомнила неисполненные на Земле обязательства. И не только на Земле. Вот просила же меня разыскать своего любимого мужа моя прабушка, красавица Ольга. Или Хельга по-варяжски.

Правда, если она знала, как огромен и разнообразен ад, почему же она просила меня разыскать ее мужа? У которого одного глаза нет, зато другой синее неба, на левой руке не хватает двух пальцев, нос перебит, а волосы и борода рыжие. Словом, красавчика.

Олафа Рыжебородого. Смешно. Но я чувствовала себя виноватой не в том, что не нашла его, а в том, что обещала искать и не искала.

Ах, прабушка, прабушка! Ты мне, сама того не ведая, здорово помогла все это время. Если бы не встреча с тобой, я бы не смогла так долго сохранять надежду на милосердие Божие. Когда уже и Имя Божие было мной забыто, потеряно всякое представление о Нем, что поддерживало во мне силу надеяться и сопротивляться небытию? — Надежда, которую ты вселила в меня. Как ты умела ждать и надеяться! Две тысячи лет, подумать только! А я еще только начала свою вечность...

Чем больше я молилась, тем легче мне было молиться. И все чаще мои молитвы были благодарственными. Я благодарила Господа за спасение Лопоухого и за то, что даже если мне суждено уйти в зыбучие пески, последние мои слова будут: «Слава Богу за все случившееся со мной».

Я благодарила за то, что пройдя через смерть, через ад и Рай, я познала мир духов, узнала, что есть Сатана, и есть Бог. И я выбрала Бога, а Сатану отвергла, прокляла, да еще и сожгла его поганое изображение. Конечно, это не победа над ним, это такой маленький кукиш, который он мог и не заметить... Не заметить? А с чего бы это он тогда чуть не спалил нас с Лопоухим, если ему все равно? При его гордыне и такой мелкий укол мог быть ощутим. Он должен был понять, что я не из его рабов, и этого достаточно.

Слава Богу за это! Слава Богу за все.

Чудо случилось, когда я его совсем не ждала. Однажды ночью пошел дождь, теплый и легкий. И вдруг повеяло ароматом цветов. Я подумала, что ветер донес его ко мне откуда-то издалека. Я лежала на влажном песке и думала о цветах Раю. Мне вспомнилась Хрустальная долина и тот цветок, который мы с прабушкой Ольгой отнесли в подарок Богородице. Дождь набрал силу и скоро превратился в ливень, а чудный запах цветов усилился. Я села и подставила руку под струи дождя, потом поднесла ее к лицу: да, это было тот самый аромат. Благоухание любви Божией Матери к людям.

Наступил рассвет. Дождь затих. Все благоухало вокруг, а колючие сухие кусты покрылись зелеными листьями и белыми цветами.

Я встала. Песок под ногами стал влажным и плотным. Я поняла, что теперь по нему можно ходить, и пошла.

Осторожно ступив за пределы моего островка и убедившись, что песок меня держит, я пошла по нему вдоль моря, держа направление в сторону от города.

Я почти не удивилась, когда вскоре увидела на берегу поджидавшего меня Хранителя, — только обрадовалась.

— Ну, вот и все, Анна, — сказал он. — Благодарю Божию Матерь за явленную тебе милость. Ты поняла, что это было чудо?

— Конечно! Ведь даже мертвые колючки в одну ночь покрылись цветами и листьями.

Он взял меня на руки, и я прижалась головой к его плечу. Мы взлетели в небо.

— Хочешь на прощание взглянуть на город? — спросил Хранитель.

— Да, если ты хочешь.

Ангел полетел в сторону бухты. Никакого города под нами не было: ни вилл на холмах, ни парков, ни пестрой набережной. Под нами раскинулась огромная свалка с горами мусора. Сверху можно было различить ржавые остовы автомобилей, поблескивающие пустые бутылки, пестрые пластиковые пакеты, ломаные ящики и прочий городской хлам. Между горами мусора бродили серые согбенные фигуры мужчин и женщин, роясь в отбросах, что-то собирая в грязные пластиковые сумки. Вода в некогда лазурной бухте была покрыта мазутными разводами, и даже сверху были видны пустые бутылки, пластиковый сор и разная канализационная дрянь на ее поверхности. Над всем этим распадом металась чайка, крича противными кошачьими голосами.

— Я так это и воспринимала, — сказала я Ангелу. — Не глазами, а нутром. Мне всегда чудился во всем этом какой-то обман.

— Так оно всегда и было. Ты ведь знаешь, кто архитектор и строитель этого города бес памятных счастливчиков — отец лжи и мастер мистификаций. Если сдернуть покрывало иллюзии, многие земные города выглядели бы не лучше. Летим, больше здесь нечего смотреть! — И мы полетели прочь от города.

Положив голову на широкое плечо моего Ангела, я поглядывала на плывущую внизу пустыню, раскинувшуюся под нами во всю округность горизонта. Волнистостью песка она напоминала морское дно. По пустыне носились желтые смерчи, а больше никакой жизни не было.

— И куда же мы теперь? — решила я задать мучивший меня вопрос.

— Туда, где пребывают до Страшного суда души грешников, о которых нет определенного решения.

— Ты оставишь меня там?

— Нет. О тебе решение уже состоялось.

— Решение о том, что я пребываю в нерешенности?

— Другое решение. Но об этом позже.

Сначала ты должна встретиться с одним человеком.

— С Лопоухим?

— Я не знаю такого православного имени — Лопоухий. Наберись терпения, мы уже подлетаем.

От замкнутой округности горизонта впереди будто отрезали аккуратный желтый ломтик, и там белесая голубизна неба заполнила усеченную по хорде часть пустыни. Туда мы и летели.

Сначала пустыня оборвалась под нами, и мы влетели в необъятное голубое пространство. Сделав в нем круг, мы снова полетели к земле. Зрелище представало удивительное.

Срезанный край пустыни представлял собой желтовато-белую монолитную стену, уходившую вниз в такую глубину, что нижний ее край тонул в дымчатой голубизне, где глаз уже ничего не различал.

По всей стене ступенями шли узкие карнизы, отгороженные от пропасти довольно высокими барьерами из того же светлого камня. Вдоль этих каменных галерей темнели входы в пещеры. Если карнизов были сотни, то пещер, вероятно, многие и многие тысячи. Сверху я различала маленькие темные фигурки, двигавшиеся по галереям.

Когда мы подлетели и опустились на один из карнизов, я увидела, что он довольно широк, примерно с городскую улицу. Сходство усугублялось тем, что темные фигуры, очень похожие на монахов длинным черным одеянием и осанкой, двигались по ним, соблюдая правостороннее движение.

— Это монастырь? — спросила я Хранителя.

— Что ты! Мы все еще на краю ада, какой здесь может быть монастырь? Хотя

монахи здесь есть, но их очень немного. Это все не решенные души. Правда, их можно назвать и «послушниками»: живут они строго, как в монастыре и постоянно молятся. Но они, конечно, лишены блаженства и радости настоящей монашеской жизни.

Увидев нас, бывшие неподалеку послушники бросились к нам, взволнованно крича:

— Ангел Божий! Смотрите, братья и сестры, к нам явился посланец Небес! Смотрите, к нам Ангел слетел!

Они окружили нас плотной толпой и тянули к Хранителю руки:

— Благослови! Благослови нас, Божий Ангел! — Ангел благословил всех и каждого, глядя на них с любовью и улыбкой.

— Ты принес нам Добрую весть, Ангеле Божий? — спросил старый «послушник».

— Не ту, которую ты ждешь, старче. Но добрая весть у меня для вас есть. Слушайте!

В России крепнет и растет церковная молитва, появились миллионы новых православных христиан, и все они молятся также и за вас.

— Слава Богу! — воскликнули радостно слушавшие Ангела послушники и послушницы.

— А теперь, братья и сестры, проводите нас в храм преподобной Марии Египетской. У нас там назначена встреча.

Нас повели вдоль галереи. По пути Хранитель благословлял всех проходивших мимо сестер и братьев. Мы подошли к одной из пещер и вошли в нее.

Воздух в пещере был очень сухой, пахло воском и каменной пылью. В стенах, на высоте человеческого роста, на равном расстоянии друг от друга были выдолблены ниши, и в них горели тонкие свечи. Над каждой нишей на грубо обтесанной стене копотью был выведен черным крестик. Изредка попадались боковые ходы, возле которых у стен были сложены каменные скамьи.

— Там кельи сестер и братьев, — сказал Ангел. Несколько раз нам попадались на глаза высеченные в стенах каморки, почти доверху заложённые камнями. Я заглянула в одну из них поверх кладки: там теплился огонек свечи, и при ее зыбком свете я увидела спину послушника. Он молился.

— Затворник, — пояснил Хранитель. По том прислушался и добавил: — В затворе уже больше двухсот лет. Укрепи его Господь!

Длинный коридор привел нас к небольшому залу. Это была пещерная церковь, высеченная прямо в скале. Здесь было довольно светло от множества свеч, горевших на невысоких каменных столбиках-подсвечниках. Передняя стена была украшена горельефом, изображавшим старую и очень худую женщину с короткими волосами, в лохмотьях. Над головой ее был высечен четкий круг.

— Преподобная Мария Египетская, — сказал Ангел. Я перекрестилась и поклонилась изображению. По стенам я увидела горельефные изображения других святых, но каких именно, я не знала. Под ними вдоль стен были высечены узкие скамьи. На одной из них, опустив голову и задумавшись, сидел какой-то человек. Услышав наши шаги, он поднялся и пошел к нам навстречу.

Пока он медленно приближался к нам, я моргала и трясла головой: нет, этого быть никак не могло! Вот уж этого — нет! Но он приблизился, и я поняла, что не обозналась.

Это действительно был мой муж.

— Георгий!

— Анна!

Мы подошли друг к другу, остановились и потрясенно молчали.

Тишину, в которой слышалось лишь потрескивание свечей, нарушил Хранитель.

— Вам надо поговорить, я оставляю вас. Я буду ждать тебя снаружи, Анна.

(Продолжение в №140)

История Православной Церкви

Дворкин

Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-138)

Эта церковная зависимость длилась долгих шестнадцать веков и завершилась лишь 14 января 1951 г., когда эфиопам наконец было позволено избрать собственного митрополита (который стал именоваться патриархом).

Но, с другой стороны, зависимость Эфиопии от Египта не стоит преувеличивать. Египетский митрополит был в Эфиопии по большей части церемониальной фигурой, не имеющей реальной власти или влияния. Он был иностранцем, не владевшим языком страны и не знавшим ее обычаев. В результате египетский "абун" (как его традиционно называли) не мог влиять на духовную жизнь или организацию эфиопского христианства. Решающим для Церкви было влияние императора и его советников-монахов, которым и принадлежала реальная власть в Церкви.

Из-за распространения ислама, окружившего Эфиопию плотным кольцом, целые века истории страны скрыты почти абсолютным мраком. Единственный источник информации о периоде от 600 до 1100 г. - это связи Эфиопии с Египтом. Из-за исламского давления эфиопы

постепенно отступали на юг - на неприступные горные плато. Так центр эфиопского христианства переместился из святого города Аксум. Но тем не менее христианство, унаследованное от древнего аксумского периода, осталось официальной религией народа. Вместе со своей египетской матерью-Церковью к концу средних веков Эфиопия оставалась единственной христианской Церковью на африканском континенте. Отождествление эфиопского христианства с политической и культурной жизнью народа было настолько полным, что никакой численный рост ислама не мог изменить этот феномен.

Во время правления новой царской династии Загуэ (1150-1270 гг.) изоляцию страны удалось немного прорвать. Вновь начались эфиопские паломничества в Святую Землю. Саладин после своего захвата Иерусалима в 1187 г. впервые предоставил в этом городе постоянное место для богослужений и проживания эфиопских паломников. Династия Загуэ спонсировала строительство многих храмов и монастырей, а также миссионерскую деятельность среди многих языческих племен, проживавших на границах

царства. Многие знаменитые уникальные эфиопские храмы, целиком высеченные из скалы, были построены именно тогда.

Правление основателя Соломоновской династии императора Екунно Амлака (1270-1283 гг.) положило начало самому блистательному периоду в истории эфиопского государства и Эфиопской церкви. Время Соломоновской династии (1270-1527) было озаменовано значительным расширением границ Эфиопии. Правители даже могли защищать своих монофизитских собратьев в Египте. Члены династии утверждали, что происходят по прямой линии от Мемелика (Менелика) I - сына царя Соломона и царицы Савской. Считалось, что семья Мемелика когда-то давно правила Эфиопией, и новые цари воспринимали себя возобновителями соломоновского правления. Скорее всего, "комплекс избранного народа" и отождествление себя с древним Израилем были вызваны веками враждебных отношений Эфиопии со своими языческими и мусульманскими соседями. Эта вера (вкуче с изоляцией Эфиопии от мирового христианства) хотя бы отчасти стала причиной принятия средневековой Эфиопской церковью

обрезания, ветхозаветных диетарных правил, субботы и даже полигамии. Многократно выражаемые протесты Александрийской церкви по поводу этих нововведений игнорировались. Несомненно, почти полное слияние церкви и государства под новыми правителями поддерживало и распространяло легенду о царе Соломоне и царице Савской.

Победы могучей соломоновской монархии против ее исламских врагов помогли консолидировать позицию церкви в эфиопском обществе в целом. Началось литературное возрождение, широко распространилось монашество. Соломоновский период стал золотым веком эфиопской литературы.

Так же как и в Египте, монашество было весьма широко развито в Эфиопской церкви. Монастырям отписывали щедрые дары, оставляли собственность по завещанию. Правители наделяли монастыри землями. Монахи играли чрезвычайно важную роль в эфиопском обществе. Во время правления Соломоновской династии монахи разделились на две соперничавшие группы, что привело общество к серьезному расколу.

Хотя обе стороны в конце концов пришли к компромиссу, их длительное соперничество ослабило государство и сыграло недобрую роль в судьбе как правящей династии, так и самой Эфиопской церкви.

Старшая и более сильная из двух групп, названная по своему основателю Текла Хайманот (1215-1313), поддерживала династию и, соответственно, имела влияние при дворе. В своей вероучительной позиции группа идентифицировалась с митрополитом царства и коптским патриархом в Каире, которые стремились очистить Эфиопию от ее дохристианских и иудаистических обычаев. Центр группы располагался на юге в монастыре Дебра Либанос, игумен которого был советником и исповедником императора. Он также считался главным монахом царства, кем-то вроде верховного архимандрита всего эфиопского монашества. Этот сан, называемый "этчеге", давал его носителю гораздо больше властных полномочий, чем присылаемому из Каира абуне.

Вторая группа, базировавшаяся на севере страны (в Эритрее), основана игуменом Евстатию (или Абба Еуостатеус) (1273-1352). В отличие от первой

группы, она не была в полном согласии с церковным, ни с политическим истеблишментом страны. Община подвергала резкой критике как государство, так и церковь и даже публично осуждала работорговлю. В противоположность дебралибаносцам, члены эритрейской группы настаивали на строгом соблюдении субботы: они с фанатизмом отвергали все прещения, накладываемые на них эфиопским митрополитом и каирским патриархом. Началось гонение. Их основатель скончался в ссылке в Армении после безуспешной апелляции к коптскому патриарху. Но его последователи не отступили от своих позиций, и раскол продолжался до 1450 г., когда на соборе в Дебра Метмаке северянам было позволено соблюдать субботу. Но, с другой стороны, они не могли навязывать свой обычай никому другому.

Лишь за несколько лет до этого важного для эфиопской истории собора состоялся Флорентийский собор. Представители эфиопского монастыря в Иерусалиме посетили Флоренцию в 1441 г. Но, по всей видимости, это была собственная инициатива монастыря: ни церковь, ни император не посылали их во Флоренцию. Изоляция Эфиопии усилилась

после завершения процесса исламизации находящейся к северу от нее Нубии. Так была разорвана связь между Эфиопией и Египтом, так же как и со всем остальным миром. Мусульманское давление на страну вновь усилилось. В результате кровавой кампании, начатой в 1520-х гг. исламским правителем Ахмадом Гранном, к XVII в. каждый третий эфиоп стал мусульманином. Даже действия недавнего марксистско-ленинского режима страны, по всей видимости, нанесли Эфиопской церкви меньше вреда.

XVI. Нехалкидонские восточные церкви от эпохи Крестовых походов до турецких завоеваний

1. Двести лет истории крестовых походов, конечно, затронули не только православных христиан. Латинские пришельцы селились в самой колыбели христианства. Ко времени их пришествия в регионе веками существовали многочисленные местные христианские Церкви. Вспомним, что большая часть исламской территории первоначально была христианской. Арабы и турки в глазах латинян были не только язычниками и неверными, но и оккупантами принадлежавших

христианам земель. Завоевание Иерусалима европейцами в основе своей виделось возвращением утраченной христианской собственности.

Накануне Первого Крестового похода нехалкидонское население Сирии состояло главным образом из армян, сирийских яковитов, ливанских маронитов и рассеянных групп несториан. За границами франкских государств находилось многочисленное население коптов в Египте и Несторианская церковь, широко распространенная по всей Персии и Центральной Азии. Можно не упоминать, что жизнь под арабским политическим господством сильно ослабила эти народы и конфессии.

Правда, исламское общество позволяло им существовать. Ислам распространял определенную терпимость на христиан и иудеев, считая их "находящимися под защитой подданными", или "дхимми". Однако, несмотря на эту защиту, все немусульмане рассматривались как граждане второго сорта. Они страдали из-за неравенства перед законом, фанатизма толпы, различных видов психологического давления, унижений и оскорблений.

Периодически они сталкивались с жестокими гонениями и насильственными обращениями в ислам. Так что положение христиан в исламских странах всегда было достаточно шатким, не говоря уже о том, что принадлежность к гражданам второго сорта создавала определенный "менталитет гетто".

Тем не менее до XI в. обращение в ислам христианского населения Ближнего Востока и Египта шло весьма медленно. Приблизительно через два века после арабского завоевания "процент обращения" коптского населения Египта не достиг еще до половинной отметки. Иерусалим даже в конце X в. по-прежнему оставался по преимуществу христианским городом, большинство населения в котором составляли православные христиане. По некоторым предположениям, в то время даже и на всей территории Сирии и Палестины все христианские группы вместе взятые составляли большинство населения: во всяком случае, этот регион начал приобретать нынешний преимущественно суннитский характер лишь после вытеснения из него крестоносцев в XIII в.

Еще ранее, в X в., расширение границ Византии на восток - в Месопотамию,

Сирию и Армению - привело Православную Церковь, после нескольких веков разделения, в непосредственный контакт с рядом неправославных групп. Многих еретиков начали насильственно переселять, другие сами бежали с имперских территорий. Можно не упоминать, что все эти "этнические чистки" были весьма неразумными и с точки зрения государственной политики, так как они привели к обезлюдению пограничных областей и к дальнейшему росту ненависти к православным со стороны монофизитских и прочих группировок.

К моменту прибытия франкских поселенцев местные антихалкидонцы больше всего стремились к свободе религиозного культа и отсутствию преследований. Для них освобождение Иерусалима с его святынями - та цель, к которой больше всего стремились латинские крестоносцы, - не играло особой роли. Религиозная свобода для них значила куда больше.

Во время латинского владычества все эти группы добились религиозной автономии. Латинские государства были слишком слабы, чтобы вступать в религиозную полемику, так что они предпочитали ее избегать. Кроме того, латиняне

воспринимали армян, несториан, маронитов и яковитов как еретиков, которые, следовательно, не могли быть автоматически возвращены в западную церковную организацию. В результате ко всем этим группам, к их счастью, было совершенно иное отношение, чем к православным христианам, которым изначально было отказано в какой-либо автономии. И маронитам, и армянам, и яковитам было позволено иметь собственную иерархию, за что они были весьма благодарны латинянам.

И все-таки латинскую терпимость и широту взглядов не стоит преувеличивать. В общем, во франкском королевстве сложилась типичная колониальная ситуация. Латиняне не слишком отличали друг от друга всех местных жителей с их бородами, турбанами и восточными одеждами и не слишком доверяли им всем. В результате две группы населения почти не смешивались друг с другом.

С другой стороны, после возвращения крестоносцев в Европу мусульмане начали относиться с такими же недоверием и подозрительностью к местному христианскому населению. Их положение по завершении эпохи крестовых походов сильно ухудшилось. По словам

современного английского историка, "дело, начавшееся с целью защиты христианства, почти что стерло с лица земли восточное крыло христианства". Если в XI в. это крыло составляло большинство населения в ряде территорий, то по окончании крестовых походов оно сократилось до положения малочисленного и маргинального меньшинства.

2. К началу франкских завоеваний **Яковитская церковь** уже перешла на арабский язык, хотя богослужение продолжала совершать на сирском. В крестоносных государствах большинство яковитов проживали на севере между Антиохией и Эдессой. Их общины также имелись во многих городах Сирии и Палестины и даже на Кипре. Большая же часть яковитов находилась на исламских территориях к востоку от латинских земель. Они управлялись специальным патриаршим викарием, который назывался мафриан. Патриаршая кафедра была в Антиохии, хотя сам патриарх предпочитал проживать в одном из яковитских монастырей близ Эдессы. Община считалась довольно многочисленной: в XII в. у яковитов было до 35 епископов.

(Продолжение в №140)

Дорогие братья и сестры, приглашаем вас на богослужение!

Расписание богослужений

Август

Ср. 14.08.2021 г. — Вт. 27.08.2021 г. Успенский пост.

Сб. 14.08.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 15.08.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия.

Ср. 18.08.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Чт. 19.08.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. **Преображение Господа Бога и
Спаса нашего Иисуса Христа.**

Сб. 21.08.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 22.08.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия.

Пт. 27.08.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Сб. 28.08.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. **Успение Пресвятой Владычицы нашей
Богородицы и Приснодевы Марии.**

Сб. 28.08.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 29.08.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия.

Сентябрь

Сб. 04.09.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 05.09.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия.

Пт. 10.09.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Сб. 11.09.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. **Усекновение главы Пророка,
Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. День постный.**

**Крещение и венчание по договорённости,
по прохождении двух огласительных бесед**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Обратите внимание!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах.

Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям,

если стала ветхой, сожгите.

Редактор: протоиерей Максим Липунов

Тел. +7-951-577-96-59

Электронная почта: lipunov.net@mail.ru

Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево,
ул. Советская, 25.

Сайт Прихода: kuz.cerkov.ru

Тираж: 200 экз.

Храм открыт:

В будние дни с 11:00 до 14:00

Суббота с 11:00 до 14:00

с 16:00 до 19:00

Воскресенье с 09:00 до 14:00